

Н.А. Фаворов

**Жизнь и творения
блаженного Августина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н11

Н11 **Н.А. Фаворов**
Жизнь и творения блаженного Августина / Н.А. Фаворов – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 152 с.

ISBN 978-5-518-07209-1

ISBN 978-5-518-07209-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ образѣ воспитанія юношества было то, что никто не наблюдалъ за чистотою жизни воспитанниковъ; напротивъ, сами наставники, заставляя дѣтей изучать трогательнѣйшія, по ихъ понятію, мѣста изъ поэмъ, наполняли души ихъ образами нечистыми (*). Поэтому не много пользы получилъ юный Августинъ въ первой школѣ воспитанія своего и хотя вышелъ изъ нея самымъ лучшимъ ученикомъ, но ни умъ, ни сердце его не получили надлежащаго направленія.

Между тѣмъ отецъ его началъ заботиться о средствахъ отправить сына, для окончанія воспитанія, въ Карфагенъ. По ограниченности состоянія ему не легко было это сдѣлать, однакожъ онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія. «Кто не превозносилъ тогда отца моего,» говоритъ бл. Августинъ, «за то, что онъ ничего не щадилъ для моего образованія! Но — онъ не хотѣлъ обращать вниманія на мое нравственное состояніе, на чистоту моей жизни. Онъ одного только желалъ, чтобъ я былъ краснорѣчивъ: а между тѣмъ на 16-мъ году моего возраста, оставаясь совершенно празднымъ, я почувствовалъ въ себѣ силу страстей и не имѣлъ руки, отъ нихъ охраняющей.» Отецъ любовался даже пылостію юноши, только мать со слезами убѣждала его хранить непорочность души и тѣла. Но совѣты матери казались ему женскою боязливостію и онъ стыдился имъ слѣдовать. Среди сверстниковъ, съ хвастовствомъ рассказывавшихъ о своихъ порокахъ, какъ о какихъ нибудь подвигахъ, и отличавшихся

(*) Lib. 1, cap. XVI—XIX

готовностию на всякое дурное дѣло. онъ могъ красить не за пороки, а за добродѣтели, и потому старался даже превзойти ихъ тѣмъ постыднымъ удалствомъ, которое часто такъ много цѣнится въ кругу своевольнаго юношества. Словомъ, годъ приготовления своего къ поступленію въ Кароагенскую школу Августина проветъ не только безъ всякой пользы для себя, но и съ большимъ вредомъ для своей нравственности (*).

Наконецъ его отправили въ Кароагенъ. Тамъ, съ успѣхами въ наукахъ, онъ еще болѣе успѣвалъ развивать свои страсти. Театръ сдѣлался любимымъ мѣстомъ его удовольствій, а обольщеніе — инною потребностію души и сердца. «У меня былъ,» говоритъ онъ, «внутренній гладъ пищи духовной, но я алкалъ не тѣмъ гладомъ, ибо искалъ не пищи нетлѣнной.» Онъ думалъ насытиться благами ближайшими. Впрочемъ, скоро опытомъ извѣдавъ ихъ пустоту, онъ сталъ искать мудрости. Случайно прочитавъ твореніе Цицерона: *Гортензія*, въ которомъ заключалось убѣжденіе къ любознательности, онъ почувствовалъ отвращеніе отъ прежнихъ пустыхъ занятій своихъ и съ жаромъ приступилъ къ новому предмету любознательности. Только ему прискорбно было, что онъ не могъ встрѣтить въ книгѣ своей имени Иисуса Христа, которое научился любить съ самаго ранняго дѣтства, подъ руководствомъ благочестивой матери своей. Вотъ почему онъ немедленно обратился къ чтенію св. Писанія. Но, не умѣя проникать во глубину его смысла, онъ не находилъ въ немъ удовлетворительной пищи уму

(*) Confes Lib. II.

своему: Цицеронъ былъ такъ изященъ, краснорѣчивъ, а Писаніе говорило такъ просто, положительно и казалось ему, даже грубо. Жажда истины, не познанной въ источникѣ ея, заставила Августина обратиться къ философамъ. Эти тщеславные люди, воспоминаетъ онъ, только распѣвали о философи и говорили: истина, истина! а пропо-вѣдывали одну ложь. «О истина, истина! какъ искренно стремился къ тебѣ духъ мой всякой разъ, когда они толковали о тебѣ на словахъ, или въ огромныхъ книгахъ!» Бл. Августинъ разумѣетъ здѣсь манихеевъ, которые увлекли его тогда въ свою ересь. Случай къ обольщенію молодого и неопытного ума былъ самый удобный. Въ борьбѣ со страстями Августинъ не могъ объяснить себѣ враждебнаго начала въ своей природѣ: чѣмъ больше преобладали въ немъ чувственныя пожеланія, тѣмъ рѣзче онъ противопоставлялъ ихъ чисто духовнымъ, и въ его понятіи все плотское сдѣлалось не только отличнымъ отъ духовнаго, но и противоположнымъ и враждебнымъ оному. Посему, читая Ветхій Завѣтъ и встрѣчая тамъ образность ученія о Богѣ и служенія Ему, онъ получилъ уже предубѣжденіе противъ св. Писанія: и древній законъ Божій челоуѣку казался ему слишкомъ несовершеннымъ, и жизнь св. Патріарховъ слишкомъ плотскою, и проч. Не удивительно послѣ этого, что онъ скоро предался манихеямъ, которые смѣло разрѣшили ему коренные вопросы его. указывая на два вѣчныя начала добра и зла и объявляя В. Завѣтъ произведеніемъ начала послѣдняго. Н. первый разъ успокоивалась этимъ совѣсть юноши, а

разумъ его еще ожидалъ и надѣялся обильной пищи въ фантастическихъ мудрованіяхъ еретиковъ. И такъ Августинъ, ища истины, впалъ въ грубыя заблужденія и сдѣлался ревностнымъ манихеемъ (*).

Все терпѣливо сносила любящая мать его (отецъ Августина скончался вскорѣ послѣ отравленія его въ Каррагенѣ), но ереси не могла стерпѣть въ нѣжно-любимомъ сынѣ своемъ: она отказалась имѣть съ нимъ всякое общеніе и проводила горькіе дни въ непрестанныхъ слезахъ о погибели чада своего и въ молитвахъ о его обращеніи. Однажды, послѣ обильныхъ молитвенныхъ слезъ, она заснула и во снѣ увидѣла предъ собою свѣтлый образъ юноши, который съ участіемъ спрашивалъ ее о причинѣ горести. «Оплакиваю погибель сына моего,» отвѣчала она. Юноша, желая успокоить ее, возразилъ, что сынъ ея съ нею и приказалъ ей обратиться и посмотрѣть около себя. Мать обратилась и увидѣла подлѣ себя сына. Это сновидѣніе почла она добрымъ пророчествомъ и спѣшила рассказать его сыну. «Чтожь,» спокойно отвѣчалъ Августинъ, «это значить, что и ты скоро будешь тамъ, гдѣ теперь я.» Нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой, возразила мать: не я около тебя явилась, а ты около меня; стало быть, гдѣ теперь я, тамъ будешь ты. И съ тѣхъ поръ она опять начала раздѣлять съ нимъ трапезу. Однакожь время текло, а сынъ не обращался. Все, что могла дѣлать для него мать, дѣлала съ неосыкновеннымъ усердіемъ и постоянствомъ; но, казалось, ни въ чемъ не успѣвала. Наконецъ она рѣшилась просить епис-

(*) Conf. Lib III, cap. I—VI.

копа о вразумленіи заблудшаго; но епископъ не соглашался на это, говоря, что Августинъ, недавно приставшій къ еретикамъ, еще не способенъ теперь вразумиться истиною. Оставь его, говорилъ онъ, со временемъ онъ самъ увидитъ грубость заблужденія своего и отвергнетъ его. Въ доказательство, епископъ указывалъ на себя, какъ на примѣръ подобнаго обращенія, ибо въ молодости и онъ зараженъ былъ манихействомъ. Когда же мать, не успокоенная такимъ предвѣщаніемъ, со слезами приступила вновь къ опытному старцу и умоляла его призвать къ себѣ Августина и мудрою бесѣдою направить на путь истины; тогда епископъ, какъ бы съ нѣкоторымъ укоромъ, сказалъ ей: «ступай и живи, какъ живешь! невозможно, чтобы чадо такихъ слезъ погибло!» Этотъ послѣдній отвѣтъ, вмѣсто огорченія, произвелъ отрадное дѣйствіе на сердце матери: ей казалось, что это было для ней отвѣтъ самаго неба (*).

Окончивъ курсъ воспитанія своего, Августинъ возвратился въ Тагастъ и тамъ началъ учить грамматикѣ и риторикѣ. Мало по малу начали представляться случаи, пробуждавшіе его отъ усыпленія въ ереси. Между многими друзьями его былъ одинъ опытный и престарѣлый врачъ, который хорошо зналъ науки естественныя и любилъ разсуждать съ Августиномъ о разныхъ предметахъ. Однажды коснулись они астрологіи, которая такъ нравилась послѣдователю Манеса, потому что книги манихейскія напечатаны были баснями о небѣ и звѣздахъ, о солнцѣ, о лунѣ и пр. Ученый врачъ

(*) Conf. Lib. III, cap. XI—XII.

сталъ отечески убѣждать молодаго друга своего оставить басни обманщиковъ и не тратить времени на такія занятія, пустоту которыхъ онъ извѣдалъ собственнымъ опытомъ. Августинъ хотя и не довѣрялъ такимъ предостереженіямъ, однакожь невольно охладѣвалъ къ фантастическому мистицизму. Далѣе, одинъ изъ друзей его, имъ же увлеченный въ манихейство, опасно заболѣлъ и былъ крещенъ въ состояніи безпамятства, но когда пришелъ въ сознаніе и услышалъ насмѣшки друга надъ такого рода крещеніемъ, то съ негодованіемъ прервалъ его шутки и съ благоговѣніемъ заговорилъ о спасительномъ таинствѣ: пораженный удивленіемъ, Августинъ оставилъ споръ до времени выздоровленія больного, но другъ его умеръ и— съ самою искреннею вѣрою въ православную Церковь. Случай этотъ заставилъ Августина размышлять о многомъ. И самъ онъ, читая философовъ, любилъ сравнивать ихъ ученіе съ своимъ (манихейскимъ), и первое казалось ему во многихъ отношеніяхъ лучше послѣдняго. Но вотъ со дня на день ожидали въ Кареагенъ епископа манихейскаго Фавста, который славился особенною ученостію и мудростію между своими единопослѣдователями. Никто такъ не желалъ видѣть его и бесѣдовать съ нимъ, какъ Августинъ: многое имѣлъ онъ предложить на рѣшеніе такому мужу, отъ котораго ожидалъ многого. Ибо, какъ выше замѣчено, манихейство на первый разъ только мнимо— успокоивало совѣсть его, а не умъ. пиши для котораго онъ еще ожидалъ въ новомъ ученіи, не находя ея пока по недостатку людей, какъ представлялось ему, хорошо знающихъ дѣло.

Уже девять лѣтъ протекло отъ совращенія Августина въ манихейство, но желаемаго случая ему не являлось. Наконецъ Фавстъ пріѣхалъ, и Августинъ поспѣшилъ къ нему. Что же?—Онъ нашелъ его ниже себя по познаніямъ: еретикъ имѣлъ только природный даръ говорить пріятно и увлекательно, но оказался почти безъ всякаго образованія, такъ что самъ долженъ былъ сознаться въ невѣжествѣ своемъ. Тогда открылось, что ученіе Манеса, облеченное въ такую таинственность, увлекало только людей легковѣрныхъ, между которыми не было ни одного здраваго мыслителя. Собесѣдники Фавста, старавшіеся поправить дѣло, выказывали еще яснѣе свое невѣжество и нелѣпость признаваемаго ими ученія. Съ этой поры Августинъ началъ питать сильное и сознательное недовѣріе къ манихейству: въ душѣ онъ уже не былъ манихеемъ (*).

Немного спустя послѣ этого, онъ рѣшился отправиться въ Римъ, и уѣхалъ туда тайно отъ матери, не хотѣвшей разставаться съ сыномъ. Къ этому путешествію располагали Августина нѣкоторые житейскіе расчеты, а не желаніе и надежда обрѣсти истину. Въ Римѣ онъ остановился у одного манихея, но по духу не былъ ему единовѣрнымъ. Умъ Августина сталъ теряться въ недоумѣніяхъ, безъ упованія—найти что нибудь положительно—истинное и неизмѣнно—твердое. О Церкви православной, по сильному противъ нее предубѣжденію, онъ не хотѣлъ и думать. Изъ всего, что онъ узналъ въ манихействѣ, одни возраженія противъ Ветхаго Завѣта оставались для него

(*) Conf. Lib. IV, cap. 4—VIII; Lib. V, cap. 1—VII.

сильными. То была пора чистаго скептицизма для Августина, и хотя онъ, по собственному признанію, не довольно читалъ древнихъ философовъ — академиковъ, однакожь чувствовалъ, что совершенно согласенъ съ ними. Въ такомъ состояніи духа былъ онъ въ Римѣ, когда представился ему случай отправиться въ Медиоланъ, откуда пришли тогда посланные съ прошеніемъ къ префекту римскому указать имъ хорошаго наставника въ краспорѣчии для Медиолана. Желая избавиться отъ учениковъ римскихъ, благодарныхъ своему учителю, Августинъ спѣшилъ воспользоваться случаемъ и лично объявилъ свое желаніе префекту, который и устроилъ дѣло по его желанію. Воспоминая объ этомъ происшествіи, онъ самъ видитъ въ немъ ясныя слѣды безконечно — благаго Провидѣнія, не оставлявшаго грѣшника на пагубномъ пути его. Въ Медиоланѣ должно было совершиться обращеніе Августина къ истинной вѣрѣ; но онъ отправлялся туда, нисколько не думая объ этомъ. Думала, и молилась, и плакала за него покинутая мать его, у которой надежда на обращеніе сына благодатію Божіею сдѣлалась единственною отрадою, утѣшеніемъ, жизнію (*).

Въ Медиоланѣ святительствовалъ тогда св. Амвросій: вотъ пастырь, которому суждено было присоединить заблудшую овцу къ стаду Христову. «Ты вель меня къ нему, Боже мой,» взываетъ бл. Августинъ, «безъ моего сознанія, для того, чтобъ онъ привелъ меня къ Тебѣ съ моимъ сознаніемъ.» Отечески принялъ его на первый же разъ великій Святитель и тѣмъ внушилъ ему къ себѣ любовь и до-

---

(*) Conf. Lib. V, cap. VIII—XII.

вѣренность. Впрочемъ Августинъ смотрѣлъ на св. Амвросія, какъ на человѣка благопривѣтливаго, но ничего не ожидалъ отъ него, какъ отъ благоговѣстителя истины. Скоро сталъ онъ слушать его поученія, но обращалъ все вниманіе на слова, а не на смыслъ проповѣди: казалось, разъ и навсегда для него рѣшено было, что истины никто сказать неможетъ, тѣмъ болѣе — епископъ православной Церкви; но опытному ритору хотѣлось послушать краснорѣчія такого мужа, о которомъ слава гремѣла повсюду и котораго дружбы искали самые цари. Между тѣмъ, со словами невольно проникала въ душу и самая истина: по крайней мѣрѣ Августинъ, не замѣчая того, сроднялся съ нею, и хотя ему надлежало пройти еще долгій и болѣзненный путь обращенія, но новый періодъ духовной жизни начинался для него именно съ этаго времени. Послушаемъ исповѣдь самаго обращеннаго, особенно замѣчательную въ этомъ случаѣ: «когда я такимъ образомъ,» говоритъ онъ, «старался внимать не тому, о чемъ училъ онъ, но — какъ училъ (ибо я уже рѣшительно отчаялся найти путь къ Тебѣ, Боже мой!); тогда вмѣстѣ со словами, которыя мнѣ нравились, проникали въ душу мою и самые предметы рѣчи, о которыхъ я не заботился. Открывая сердце для краснорѣчія его, я мало по малу начиналъ ощущать и силу истины. И во первыхъ, мнѣ представилось, что вѣра каеолическая, за которую, по прежнему мнѣнію моему, ничего нельзя было сказать противъ возражающихъ манихеевъ, можетъ быть доказана и по разуму: такъ особенно сталъ сознавать я, когда образы Ветхаго Завета

одинъ за другимъ разрѣшались (проповѣдникомъ): ибо сіи-то образы и убивали меня духовно, когда я понималъ ихъ буквально. Прислушавши изъясненіе многихъ мѣстъ изъ книгъ В. Завѣта, я началъ освобождаться отъ того отчаянія, въ которомъ былъ прежде, касательно достоинства закона и Пророковъ, т. е., я переставалъ вѣрить, что порицателямъ ихъ нельзя ничего противопоставить равносильнаго. Впрочемъ это не значить, чтобъ я рѣшался уже принять католическую вѣру: ибо и она (думалъ я) могла имѣть ученыхъ толкователей своихъ, которые въ состояніи говорить много и разумно противъ возраженій на нее; но по этому еще нельзя было осуждать того, чего я держался, ибо доказательства съ той и другой стороны могли быть равносильны. Такъ образомъ я не считалъ уже православною вѣру побѣжденною, но еще не признавалъ ея и побѣдительницею. За то я сталъ напрягать всѣ силы ума, чтобы найти непреложныя доказательства противъ лживости манихейской. И если бы я могъ тогда понимать духовную субстанцію (сущность), то всѣ ихъ ухищренія тотчасъ бы рушились и навсегда изверглись изъ души моей; но я не могъ еще достигнуть этаго. Впрочемъ, что касается до міра и всякой чувственной природы, объ этомъ я находилъ много больше вѣроятнаго у философѣвъ, когда прилежно размышлялъ, читая и сличая ихъ ученія. Кончилось же пока тѣмъ, что, сомнѣваясь во всемъ подобно академикамъ, я рѣшился только совершенно оставить манихеевъ и быть въ такомъ состояніи, въ какомъ находился у родителей въ дѣтствѣ, то есть, оглашеннымъ православною Цер-